

ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Бартольдovskiе чтения

Москва
2023

УДК 94(575)«12»
ББК 63.3(543.0)
Б41

Редколлегия:

А.Д. Васильев, В.Н. Настич, Д.М. Тимохин (ИВ РАН)

Составители:

А.Д. Васильев, Д.М. Тимохин (ИВ РАН)

Рецензенты:

д.и.н., в.н.с. (ИВ РАН) *И.В. Зайцев*
к.и.н, с.н.с. (ИВ РАН) *В.В. Прудников*

Б41 Бартольдовские чтения: колл. моногр. / сост. А.Д. Васильев, Д.М. Тимохин; Ин-т востоковедения Рос. акад. наук. – М.: ИВ РАН. 2023. – с. 452: ил. – (Исторические исследования).

ISBN 978-5-91791-093-?

Коллективная монография включает в себя материалы международной научной конференции «Бартольдовские чтения», проходившей в Институте востоковедения в ноябре 2022 г. Представленные статьи продолжают развивать те направления отечественного востоковедения, которые заложил В.В. Бартольд. Традиционной тематикой исследований участников монографии в этой связи стали работы по источниковедению, историографии, истории и специальным историческим дисциплинам, используемым также в востоковедении. Издание предназначено для исследователей, студентов, аспирантов и тех, кто интересуется культурой и историей Востока.

ББК 63.3(543.0)

ISBN 978-5-91791-093-?

© Колл. авт., 2023
© ФГБУН ИВ РАН, 2023

Содержание

Введение	6
Глава I. Источниковедение истории Востока	
1.1. «ан-Нуджум аз-захира фи мулук Миср ва-л-Кахира» ибн Тагриберди как источник изучения периода мамлюкского правления в Египте (<i>Г.А. Гафгазлы</i>)	11
1.2. Три архаических мотива малайских хроник (<i>Л.В. Горяева</i>)	19
1.3. Известия Таврической учёной архивной комиссии (ИТУАК) как источник по истории присоединения Крыма к России в 1783 г. (<i>О.М. Курникова</i>)	26
1.4. Краткое собрание ханских ярлыков русским митрополитам: уникальная информация о выплатах Золотой Орде с русских земель (<i>С.А. Маслова</i>)	36
1.5. «База данных тем и сюжетов арабомусульманских династийных хроник IX – X вв.» и традиции Бартольдовских чтений (<i>Д.В. Микульский</i>)	47
1.6. Некоторые особенности налогообложения городского центра и аграрной периферии согласно османскому налоговому реестру санджака Тебриз 1728 г. (<i>Ш.М. Мустафаев</i>)	55
1.7. Некоторые источники монгольской летописи XVIII в. «Хрустальные четки» Рашипунцага (<i>М.А. Овчинникова</i>)	76
1.8. Особенности перевода малайских средневековых правовых источников (<i>С.В. Тхор</i>)	89
1.9. Тюркоязычная историческая литература Дагестана: особенности жанра (<i>И.А. Чмилевская</i>)	98

Глава II. Мемуары и источники личного происхождения в востоковедных исследованиях

- 2.1. Научная деятельность литературоведа-тюрколога Г.С. Амантая (1907–1938) (*Р.Ю. Аккубеков*) 106
- 2.2. Дипломатическая деятельность башкирских дворян Бекчуриных (*И.С. Игдавлетов*) 117
- 2.3. Травелоги, письма и статьи Рабиндраната Тагора как свидетельство политической вовлеченности индийского классика (*Е.П. Лекарева*) 123
- 2.4. Мемуары князя Л. А. Ухтомского как источник по истории Крымской войны и обороны Севастополя 1853–1856 гг. (*М.Р. Рыженков*) 135

Глава III. Специальные исторические дисциплины

- 3.1. Арабская строительная эпиграфика дагестанского селения Храх (*З.Ш. Закарияев*) 144
- 3.2. Тюркские чунгулы ~ чумулы, чигили и бурятские цонголы ~ сонголы: исследование исторической связи названий (*Б.З. Нанзатов, В.В. Тишин*) 153
- 3.3. Испанские прозвища толедских мосарабов в XII и XIII вв. (*О.В. Тихонова*) 177
- 3.4. К истории эстампажного копирования древнетюркских рунических надписей конца XIX – начала XX вв. (по материалам фонда Центральной Азии и Сибири ИВР РАН) (*А.А. Туранская*) 195

Глава IV. История и культура Центральной Азии

- 4.1. Сказание об одноглазом великане в огузском эпосе: исследования В. Эберхарда (*Т.А. Аникеева*) 204

4.3. Принципы и подходы разграничения территории Центральной Азии в 1917–1939 гг. (А.Ю. Быков).....	212
4.4. Монгольские ультиматумы в «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина (Ю.И. Дробышев)	236
4.5. Праздник Навруз в историографии советского и постсоветского Таджикистана (вторая половина XX – начало XXI вв.) (Ж.Б. Исамитдинов).....	257
4.7. Калмак: от топонима к этно(поли)тониму (Б.У. Китинов).....	264
4.8. Катаванская битва 1141 г. в мусульманских источниках XII – начала XIII в. (Д.М. Тимохин)	276
Глава V. Научное наследие академика В.В. Бартольда и его изучение	
5.1. Письма профессора А.Е. Крымского академику В.В. Бартольду из фонда Санкт-Петербургского филиала Архива РАН (Р.М. Валеев, Р.З. Валеева, С.А. Кириллина)	302
5.2. Переписка В.В. Бартольда и А.-З. Валиди Тогана (А.Г. Салихов).....	339
5.3. Вклад академика В.В. Бартольда в освещение исторической географии и топонимики древнего Согда (А.Р. Аюбов)	352
5.4. Труды В.В. Бартольда «Очерк по истории туркменского народа» и «Киргизы. Исторический очерк» как первые академические исследования по их истории (А.Ш. Кадырбаев).....	365
5.5. Вклад академика В.В. Бартольда в изучение истории государства Гуридов (М.М. Шарипов)	371
Заключение.....	380
Список источников и литературы	396
Список сокращений.....	450

**Травелоги, письма и статьи Рабиндраната Тагора
как свидетельство политической вовлеченности
индийского классика**

Е. П. Лекарева

Санкт-Петербургский государственный
университет

Период конца XIX – начала XX в. ознаменовался множеством качественных перемен в первую очередь в политической жизни Индийского субконтинента, оказавших влияние не только на последующий ход развития истории Индии и сопредельных стран, но и существенным образом поменявших образ мышления людей и поставивших их перед необходимостью отвечать на вызовы времени и делать выбор, за который придется нести ответственность в будущем. Происходящее вызывало глубокую обеспокоенность у известного индийского классика Рабиндраната Тагора (1861–1941), который всегда с пристальным вниманием следил за событиями не только в Индии, но и во всем мире, и тотчас же откликался на любые дурные предзнаменования, способные, по его мнению, в будущем обернуться бедой.

Еще с юношеских лет будущего лауреата Нобелевской премии отличали глубокая любознательность, предполагающая не поверхностное и дробное, а тщательное и вдумчивое изучение сути предметов и явлений во всей их неделимой полноте, и активная, если еще не политическая, то по крайней мере жизненная позиция. В 1878 году семнадцатилетний Р. Тагор впервые покидает Индию и отправляется со стар-

шим братом Сатъендранатхом в Англию для изучения права [Гнатюк-Данильчук, 1961, с. 14]. Путевые заметки тех лет, изданные под заглавием «Письма путешественника в Европу» («*Īurōp prabāṣīr patra*»), состоят из тринадцати писем, написанных на современной литературной форме бенгальского языка (*calit bhāṣā*), и являются заслуживающим внимания источником по истории жизни и быта английского народа того времени, представленной глазами человека, принадлежащего к совершенно иной культуре. Несмотря на то, что травелог по большей части посвящен описанию уникальных впечатлений писателя от пребывания в самом сердце страны, которая вершит судьбу его родной Индии, тем не менее некоторые наблюдения автора о политической жизни Англии того времени заслуживают рассмотрения.

Так, молодого Р. Тагора, которому выпала возможность присутствовать на заседании английского Парламента, глубоко поразило безразличие членов Палаты общин по отношению к Индии: на речь ирландца О'Доннела, критикующего Закон о прессе в Индии и ряд других проектов, парламентарии не обратили практически никакого внимания и все его предложения тотчас же отвергли. Р. Тагор пишет, что когда в Палате начались обсуждения, посвященные Индии, почти все члены отправились обедать или на прогулку и вернулись только ко времени голосования. Он тут же добавляет, что «часто патриотизм оказывается побежденным партийностью» [T̥hākur, 1986, P. 42]: многие парламентарии не имеют собственного мнения относительно того или иного вопроса и часто слепо следуют идеологии своей партии, а сама идея голосования при такой системе теряет всякий смысл [Волгина, 2018, с. 694].

Изучение юриспруденции не вызвало большого интереса у Р. Тагора, поэтому вскоре он вернулся домой, однако зерно сомнений относительно благословенного правления Британской короны в Индии, оброненное во время пребывания

в Англии, дало свои всходы. В 1893 году в семейном журнале Тагоров «Почитание» («Sādhanā») появляется статья писателя «Англичане и индийцы» («Inrāj o bhāratbāsi») [Ṭhākur, 1941, p. 651]. Начиная с размышлений о том, что нет ни одной нации на земле, лишенной каких-либо изъянов, Р. Тагор приходит к выводу о том, что если говорить об англичанах, то «главной ошибкой, которая неминуемо приведет их к несчастью, является отсутствие чувства прекрасного, абсолютное нежелание сблизиться с теми, кого они взяли под свое покровительство, и понять их, а также привычка смотреть на мир исключительно через призму своих традиций» [Ṭhākur, 1941, p. 379]. Писатель заключает, что именно эта отчужденность английской нации по отношению к Индии и индийцам является главным бичом их колониальной политики, который оборачивается столькими бедами и несчастьями [Ṭhākur, 1941, p. 380–381].

Вместо того, чтобы пойти навстречу и уступить в чем-то, попытаться понять истинную природу индийцев, англичане щедро осыпают их упреками и оскорблениями, которые «наряду с чаем, лепешками и яйцами стали неотъемлемой частью их завтрака» [Ṭhākur, 1941, p. 387]. Безмолвие и покорность индийцев в ответ они принимают за верный признак трусости, им невдомек, что мужчины в Индии не могут позволить себе необдуманные и безрассудные поступки, ведь они ответственны перед своими семьями [Ṭhākur, 1941, p. 386]. И чем дальше англичане отдаляются от индийцев, тем труднее для них будет помочь им и воздать по справедливости [Ṭhākur, 1941, p. 387]. Кроме того, колониальная администрация потворствуют разжиганию межрелигиозной вражды и даже не пытается решить эту проблему [Ṭhākur, 1941, p. 392].

Тем временем, обращает внимание Р. Тагор, управление таким огромным государством – непростая задача, оно требует сдержанности, опыта и благоразумия. Но английская правительственная машина – раба своего величия, она накрепко

связана своей сложностью, и для того, чтобы хоть немного повернуться, ей приходится делать множество движений [Ṭhākur, 1941, p. 382].

Затем писатель обращается к лидерам Индийского национального конгресса, резко критикуя их за неэффективность политического поведения [Bandōpādhyāy, 1997, p. 1711]. «С каким *оружием* [выделение мое – *Е. Л.*] мы вышли сегодня на поле битвы? Вооружившись всего лишь речами и прошениями? Какими доспехами мы собираемся защищать себя? Масками и личинами? Долго ли мы продержимся и добьемся ли хоть каких-нибудь результатов?» [Ṭhākur, 1941, p. 398].

Р. Тагор отмечает, что у соотечественников часто «возникает желание скрыть изъяны и несовершенства, не искореняя их», а это доказывает, что Индия пока не готова к полноценной национально-освободительной борьбе [Ṭhākur, 1941, p. 399]. В завершение писатель заключает, что верный путь Индии к благополучию – в распространении образования на местных языках, истинная гордость – в осознании своей человечности, подлинный успех – в твердости, преданности и самопожертвовании, все остальное пустое [Ṭhākur, 1941, p. 402–403]. Отныне эта мысль будет красной нитью проходить через все его творчество.

Еще более непримиримой критика колониального режима становится в цикле лекций «Национализм», прочитанных Р. Тагором в 1916 году в Токийском университете, а также отчасти в дневнике из этой поездки под названием «Путешественник в Японию» («Jārān-yātrī», 1919–1920), который написан главным образом на судне Тосямару по пути туда и насчитывает 15 записей.

Заходя издалека и начиная свою речь с размышлений об отвлеченной природе такого важного уже не только для неутомимого Запада, но обретающего все большую значимость и для постепенно пробуждающихся ото сна и бездей-

ствия стран Востока, понятия как нация, Р. Тагор постепенно подводит слушателей к главному тезису о том, насколько губительным может оказаться бездумное поклонение «кровожадному демону национализма» [Vandōpādhyāy, 1997, p. 1714], возведенному в культ империалистической Европой [Tagore, 1918, p. 44].

Не умаляя достижений Японии в деле строительства всеобщего благополучия и процветания, писатель, тем не менее, не может не предупредить жителей Страны восходящего солнца об опасностях, таящихся на избранном ими пути. Духовная слепота национализма и патриотизма, навязываемая Западом, не принесет цивилизациям Востока ничего хорошего, ибо их жизненная сила – в высоких идеалах духовности и человечности, отказ от которых чреват гибелью [Tagore, 1918, p. 78].

На первый взгляд, несколько удивительной может показаться эта глубокая обеспокоенность писателя по отношению к происходящему в Японии, которая после почти пятисотлетнего правления самураев вернулась к императорской власти и вступила на путь модернизации и индустриализации, взяв за основу пример Запада, – идея, к слову, привлекавшая и самого Р. Тагора, который видел в объединении первозданной духовности Востока и неутомимой энергии Запада источник гармонии и всеобщего блага. В дневнике из Японии находим следующую запись: «Япония научилась у Запада труду, но сохранила свою манеру трудиться. Именно поэтому в глубине души я питаю надежду, что в этой стране окажется возможным *гармоничное сосуществование восточной духовности и западной предприимчивости* [выделение мое – Е. Л.]. Если это действительно произойдет, они подарят всему миру идеал совершенства» [Thākur, 1919/1920, p. 49].

Однако по мере того, как Япония продвигалась по этому пути, она, по мнению Р. Тагора, все более теряла себя. Вероятно, намекая на победу в японо-китайской войне (1894–1895)

и последовавшую вскоре за ней масштабную милитаризацию страны, он пишет: «Пусть Япония и выиграла войну на море с Китаем, но неужели ей было невдомек, насколько по-варварски жестоко и бесчеловечно вонзать шипы этой победы во все уголки страны?» [Thākur, 1919/1920, p. 102]. И далее: «Среди азиатских стран именно Япония однажды вдруг осознала, что Европу можно остановить только с помощью той же силы, благодаря которой она поработила весь мир. В противном случае попадешь под колеса ее машины и уже никогда не поднимешься» [Thākur, 1919/1920, p. 108]. Едва поняв это, она начала с неумолимой скоростью перенимать мощь Запада, – артиллерию, искусство маневра, заводы и фабрики, административное и судебное устройство, законы, – пока наконец не научилась говорить с ним на его же языке: «Япония обладала богатством человечности, созвучием героизма и красоты, глубиной самообладания и безграничной силой самовыражения, однако западные цивилизации не проявляли к ней никакого уважения, пока она не показала им, что кроважидные ищейки Сатаны вскармливаются не только в псарнях Европы, но могут разводиться и в Японии и питаться человеческим горем и страданиями» [Tagore, 1918, p. 83].

Однако в этой погоне за призрачным успехом очень легко потерять себя, и писатель просит Страну восходящего солнца не забывать об этом: «Я совсем не призываю Японию отказаться от приобретения современного оружия для самозащиты. Однако не следует увлекаться больше, чем того требует инстинкт самосохранения. Важно понимать, что настоящая сила не в оружии, а в том, кто им владеет, и что если человек в погоне за могуществом множит оружие ценой собственной души, ему угрожает гораздо большая опасность, чем его врагу» [Tagore, 1918, p. 77].

Безусловно, подобная резкая критика действий Японии не могла не вызвать глубокого возмущения у тех, кто стоял у руля правления в стране: японские националистические

круги тут же объявили Р. Тагора «поэтом покоренного народа» [Тагор, 1961, с. 120]. И если с судна Тосямару его пришли встречать сотни японцев, то провожали спустя три месяца уже единицы.

Несмотря на то, что в работах отечественных японоведов визит Р. Тагора в Японию в 1916 году либо практически не упоминается, либо описывается в положительном ключе, с некоторыми наблюдениями, сделанными в них, нельзя не согласиться. Так, в предисловии к труду «Человек и мир в японской культуре» японоведа Т. П. Григорьева отмечает, что «Тагор был одним из тех, кто понимал Японию» [Человек и мир, 1985, с. 5]. Представляется, что именно это понимание побудило писателя высказать свое мнение относительно происходящего в стране, с которой его родную Индию связывали столетия соседства, а также предостеречь друга от вступления на опасный путь, и тот факт, что почти два десятилетия спустя волна шовинизма все-таки захлестнула Страну восходящего солнца и бросила свою тень на ее историю, говорит о том, что смутные предчувствия Р. Тагора оказались небезосновательными. В беспокойном 1937-м милитаристские круги Японии сами обратятся к писателю с приглашением вновь нанести дружественный визит в их страну, надеясь таким образом заручиться его поддержкой в оправдании своих действий в Китае, однако он решительно откажется от какой-либо поездки: «Я питаю подлинную любовь к японскому народу и именно поэтому мне было бы очень больно, если бы пришлось воочию увидеть, как правители вашей страны посылают японцев в соседнюю страну для совершения бесчеловечных актов, которые навеки покроют позором ваши имена в истории человечества» [Рабиндранат Тагор, 1961(a), с. 32].

В 1930 году происходит заветная поездка Р. Тагора в Советский Союз, планировавшаяся и откладывавшаяся по разным причинам в течение нескольких лет. Как отмечал он сам

в «Письмах о России» («Rāśiyār ciṭhi»), написанных по большей части уже после отъезда из нашей страны и состоящих их четырнадцати писем: «Единственная цель, которую я преследовал, отправляясь в Россию, – посмотреть, насколько это возможно в короткие сроки, каким образом там происходит процесс распространения образования среди простого населения, а также каких успехов они смогли достичь» [Ṭhākur, 1945, p. 54]. Писатель был восхищен достижениями советского народа, которые ему удалось увидеть во время своего недолгого пребывания в столице Советского Союза.

Подробно описывая слаженную работу советской системы образования, здравоохранения и сельского хозяйства, на которых, по мнению Р. Тагора, и зиждутся не только благосостояние страны, но и ее независимость (и политическая, и духовная, надо заметить), он с горечью отмечает, как далека Индия от достижения этого идеала, в которой туберкулёз посетил почти каждый дом, а большая часть людей не то что об образовании, а даже о возможности питаться вдоволь и помыслить не может. При этом от взгляда писателя не ускользает и обратная сторона советской действительности, а именно нездоровое стремление власти подавить любого рода индивидуальность и инакомыслие, что, как считает Р. Тагор, мало чем отличает большевиков от фашистов [Ṭhākur, 1945, p. 82–83]. Но беда в том, что «вылитый по шаблону человек долго не протянет – если живой человеческий ум и знания существуют порознь друг от друга, то однажды шаблон с треском разобьется вдребезги, или же человеческий разум зачахнет, а сам человек превратится в заводную куклу» [Ṭhākur, 1945, p. 3–4]. Писатель предрекает в завершение: «Возможно, в эту больную эпоху большевизм действительно несет исцеление, но действие его не может продолжаться вечно. Тот день, когда смена доктора подойдет к концу, станет поистине праздником для больного» [Ṭhākur, 1945, p. 111–112]. Поэтому совершенно неудивительным кажется тот факт, что «Письма

о России» были переведены на русский язык и опубликованы лишь в 1957 году, и то не полностью: по идеологическим соображениям из издания были изъяты тринадцатое письмо и послесловие, весьма неоднозначные по своему содержанию [Serebriany, 2014, P. 213–216].

Однако не ради критики престарелый Р. Тагор решился на эту дальнюю поездку. В одном из писем он объясняет: «Моей главной целью было увидеть светлую сторону [их действительности]. И то сияние, что я увидел, поразило меня – недвижимое пришло в движение» [Thākur, 1945, p. 57].

Новый виток бесконечных поисков в попытках найти ответы на многочисленные вопросы приходится на 30-е годы XX века. В 1932 году, невзирая на возраст и все чаще дающие о себе знать проблемы со здоровьем, престарелый Р. Тагор все же откликается на предложение персидского шаха Резы Пехлеви нанести дружественный визит и отправляется в Иран. Путешествие продолжается немногим более месяца, но, как признается впоследствии сам писатель в одной из одиннадцати записей дневника «Путешественник в Персию», становится особенно памятным для него.

Пытаясь переосмыслить многотысячелетнюю историю человечества, испытывающего сейчас цивилизационный кризис, Р. Тагор надеется найти в ней ответ на не дающий покоя уже много лет вопрос о том, как сохранить в себе человека, способного с достоинством ответить на вызовы времени и не потерять себя. Как писатель признается впоследствии одному из жителей Персии, он приехал в их страну, чтобы «увидеть подлинного сына Персии» [Thākur, 1963, p. 25]. Вероятно, потому что вопрос, кто есть «подлинный сын Индии», по-прежнему оставался для него без удовлетворяющего ответа. Бремя конца 20-х – начала 30-х гг. XX в. тяжким грузом легло на плечи Индии, которой предстояло справляться с насилием революционного террора и коммунизма, волной прокатившихся по стране.

Возможно, в условиях этого духовного и идейного кризиса Р. Тагор надеялся найти ответы на мучавшие его вопросы в Персии, в которой благодаря скромной, но неутомимой деятельности шаха и его соратников восстановлены мир, государственность и политическая самостоятельность, положен конец религиозной вражде и нетерпимости, улучшаются условия жизни населения, из затворничества постепенно выходят женщины, – идеал, к достижению которого в Индии так стремился писатель. По его мнению, все это оказалось возможным благодаря одной удивительной способности этой страны: «Персия едина всем своим существом, – пишет он, – в ее культуре нет и намека на разобщенность. Подвергнувшись удару, она пошатывается, но никогда не раскалывается» [Thākur, 1963, p. 71]. Именно поэтому страна выстояла под властью и арабов, и тюрков, и моголов, и афганцев.

Упомянув как-то в беседе с главным министром Персии, что путь преобразований, по которому сейчас движется их государство, однажды, возможно, сможет послужить образцом и для Индии, Р. Тагор получает ответ, который будет беспокоить его еще долгое время: «“Видите ли, – ответил он мне, – Индия и Персия находятся в совершенно разных условиях. Решить наши проблемы в разы проще, потому что нас связывает национальная, религиозная и языковая общность”. После того как он ушел, я еще долго размышлял над тем, что единство – это самая первая и основная наша необходимость. Слепая вера нашего мусульманина замыкает его общество на самом себе и препятствует взаимодействию с теми, кто находится за его пределами; слепая вера нашего индуиста выделяет каждому строго определенное место в его обществе и к тому же нетерпима ко всему чужому. Эти две непримиримые общины и есть Индия. Они словно два брата-близнеца, чьи спины срослись. Когда один делает шаг вперед, другому приходится отступить назад. Их невозможно

ни полностью разделить, ни сделать единым целым» [Thākur, 1963, p. 78–79].

Возможно, еще большее смятение в душе Р. Тагора породил другой разговор. Накануне отъезда писатель получил приглашение нанести визит от вождя персидских бедуинов. Во время ужина они также коснулись темы конфликтов между индуистами и мусульманами Индии. Высказывая свое мнение об этом, глава племени заметил: «Истоки той вражды между индуистами и мусульманами, что сейчас имеет место в Индии, уходят корнями в умы ваших образованных людей» [Thākur, 1963, p. 105]. Идея, абсолютно невыносимая для Р. Тагора, который видел в образовании одно из первостепенных и решающих условий для обретения независимости. Поездка в Персию породила больше вопросов, чем ответов, поиски которых продолжатся далее и найдут свое отражение в последнем и самом критикуемом современниками романе Р. Тагора «Четыре части», вышедшем в 1934 году.

Наконец, в 1940 году выходит известная статья писателя «Кризис цивилизации» («Sabhyatār saṅkaṭ»), которая считается его своего рода «политическим завещанием» [Ивбулис, 1981, с. 337]. Обернувшись назад и окидывая взглядом пройденный путь, престарелый Р. Тагор подводит его итоги и излагает собственное видение будущего Индии. Он вспоминает, какое глубокое уважение испытывал в юности к английскому народу и как верил в его гуманность. Его разочарование было тем более горьким, когда он осознал безграничное холодное безразличие этой цивилизованной нации по отношению к индийскому народу [Thākur, 1948, p. 637].

В то же время Р. Тагор отказывается терять надежду на то, что лучшие из представителей английской нации, чья литература так вдохновляла его в юности, спасут от угасания величие и человечность своего народа [Thākur, 1948, p. 639].

Несмотря на то, что сейчас Европа кружится в безумном танце бесчеловечности и насилия, писатель по-прежнему

беззаветно верит в светлое будущее как своей многострадальной Индии, так и всего человечества: «Настанет день, когда поворот колеса судьбы заставит англичан покинуть принадлежащую им индийскую империю. Но какую Индию оставят они после себя, какую ужасающую нищету! <...> Я верю, что после катаклизма, когда атмосфера очистится, начнется новая незапятнанная страница истории, и, может быть, восход начнется с Востока, там, где встает солнце. Придет день, когда несломленный человек вступит на путь победы, сметая все преграды, для того чтобы вернуть былую славу. Я считаю преступлением думать, что человечность может потерпеть окончательное поражение», – заключает он [Тагор, 1957, с. 420].

Таким образом, становление и формирование политических воззрений Р. Тагора не было поступательным и линейным: он то возвращался к своим старым взглядам, то принимал новые – идейные искания бенгальского классика наглядно проявляются в его творчестве. Представляется, что особую роль в формировании его политического мировоззрения сыграли поездки по миру. Рассматривая каждую из них в первую очередь как возможность почерпнуть что-то новое и полезное из опыта других стран и обменяться идеями с зарубежными коллегами, чтобы, вернувшись, попытаться претворить их в жизнь в Индии, Р. Тагор тем не менее никогда не забывал о своей негласной гуманистической миссии и до последнего нёс в мир идеи ненасилия и человечности. С другой стороны, даже когда его позиция в отношении ненасилия была, казалось бы, ясна и однозначна, вероятно, где-то в глубине души все еще оставались сомнения, действительно ли это именно тот путь, который может привести Индию к независимости. Это противоречие между высоким гуманизмом и активной политической позицией находит свое отражение в языке Р. Тагора: возможно ли устранить преграды, не применив силы? Или выйти с оружием мира на поле битвы?